

Бушмаков А.В.^а, Рязанова С.В.^{б, в}

^а Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты Звезда, 18, Пермь, 614990

^б Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990

^в Пермский аграрно-технологический университет, ул. Петропавловская, 23, Пермь, 614990
E-mail: bushmakov@yandex.ru (Бушмаков А.В.); svet-ryazanova@yandex.ru (Рязанова С.В.)

АДРИАН ПУШКИН: ПЕРМСКИЙ ОПЫТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МЕССИАНСТВА

Анализируется уникальный случай локального «мессианского» пророчества, вариант развития нивозовой религиозности. Традиционные сюжеты и образы православия помещаются в пространство региона, страны и реалии личной жизни. Смысловыми акцентами текста являются апокалиптика и хилиазм, связанные с личностным и профессиональным кризисом героя. Результатом размышлений о судьбах мира становится формирование авторского мифа.

Ключевые слова: национальное православие, мессианские идеи, Пермская губерния, религиозное пророчество, народная религия, индивидуальная религия, мессия.

Образ мессии традиционно связывается с высоким религиозным смыслом, воспринимается как нечто исключительное и трансцендентальное, вынесенное за рамки обыденности. Между тем в границах локальной истории оказывается возможным найти персонажей, претендующих на то чтобы взять на себя всю тяжесть нагрузки мессианства.

В нашем случае речь идет о Пермской губернии XIX в. и одном из ее жителей — бывшем служащем Пермского имения графов Строгановых, после реформы 1861 г. записавшемся в купцы второй гильдии, Адриане Павловиче Пушкине. Будучи обычным в нашем понимании клерком, в конце 1850-х гг. он увлекся чтением Библии и ее истолкованием, в результате чего в начале 1860-х гг. направил на имя императора несколько прошений. Внимание на себя обращает тот факт, что эти документы представляли собой по форме бумаги официального характера, а не тексты, претендующие на статус священных. Они были оформлены надлежащим образом: А.П. Пушкин так долго прослужил поверенным у Строгановых, что в совершенстве освоил все тонкости составления документов.

Вместе с тем стандартно выглядевшие прошения имели нетривиальное содержание. Их автор характеризовал себя как «явился Мессия» и требовал личной встречи с царем, обещая сокровенное знание, дарованное свыше. Поскольку Пушкин отлично владел навыком составления казенных документов и никогда не указывал в них напрямую свой статус пророка/мессии, они долгое время циркулировали по инстанциям, порождая соответствующую реакцию бюрократической машины. Лишь в 1866 г. власти отреагировали на ненормальность ситуации, «провозвестник божественной истины» был определен системой как опасный сумасшедший и в административном порядке сослан в Соловецкий монастырь. Освобожденный оттуда в конце 1881 г., Пушкин был поселен под надзором полиции в Архангельске, где вскоре и умер.

Его жизнь, идеи и влияние на окружающих оказались не настолько значимы в социальном и культурном смысле, как жизнь литературного альтер-эго Пушкина. Пермский мессия стал известен читающей публике с момента выхода книги английского путешественника и писателя В. Диксона благодаря присутствию в ней главы, посвященной новым пророчествам. Пушкин описывается как человек из народа и противопоставляется «философу» капитану Николаю Ильину, находившемуся в монастыре в момент его посещения Диксоном. Наш герой описан как физически больной служащий Строгановых, «бедный идиот», который вообразил себя пророком и начал проповедовать бедным крестьянам в сельской винной лавке о ненужности платить налоги и повинности. Эта книга через три года была переведена на французский язык и стала известной в кругах российских интеллектуалов 1870–1880-х гг. [Dixon, 1870, p. 242–251]. С этого времени Адриан Пушкин становится героем ряда публикаций, в которых он преподносится как жертва режима, человек, пострадавший за свои убеждения. В 1876 г. единственный из известных последователей А.П. Пушкина издал в Женеве его рукопись, озаглавленную «Суд божий,

или Отзыв членам Св. Синода о пришествии месии только ныне» [Коробов, 1876]. Эта история попадает в газеты «Голос», «Новости», «Московский телеграф» благодаря статье вернувшегося из ссылки бывшего «нечаевца» А.С. Пругавина, опубликовавшего в ноябре 1881 г. очерк о пермском служащем-пророке (очерк «Еретики» был напечатан осенью 1880 г. в №№ 227, 229 и 234 газеты «Голос»; также см.: [Пругавин, 1881, с. 238–253]).

Большей частью пророк бюрократического толка был интересен краеведам. Для В.С. Верхованцева он — один из пермских чудаков, «тип пермяка-мистика», опасный, поскольку его увлечение Библией при отсутствии систематического образования привело к «ереси и к печальным последствиям» [1994, с. 177]. В.Н. Трапезников представляет бывшего клерка Строгановых интеллигентом, «горячим сторонником освобождения крестьян» [1903, с. 13–14]. Б.В. Струве связывал с А.П. Пушкиным возникновение т.н. секты «неплательщиков», упирая на масштаб влияния нового откровения на население [1884, с. 670; Он же, 1889]. Очерки В.И. Немировича-Данченко содержат только эмоциональное описание героя нашего исследования: «Купец один... Хороший человек... Обходительный» [1874, с. 541]. П.А. Кропоткин представляет его как автора-публициста, пострадавшего за стремление донести свои идеи до читателей, пример жертвы властного произвола и беззакония [1906, с. 80]. В.В. Розановым Пушкин подается как «страдалец за русскую землю», «загадочный человек <...> для которого, казалось, не существует ни житейских привязанностей, ни симпатий» [1904, с. 3].

К началу XX в. Адриан Пушкин для одной части читающей российской публики был символом борьбы за веротерпимость и свободу совести, для второй выступал в роли жертвы правительственного произвола, добровольно принявшей на себя обязанность искупить грехи соотечественников, третьей представлялся обычным интеллигентом, хотел облегчить участь крепостных крестьян. Мистический опыт и откровения, которые хотел донести пермский мессия до своих современников, оказались за скобками этих сюжетов (подробнее об образах А.П. Пушкина в дореволюционной печати см.: [Бушмаков, 2016, с. 163–172]) и были неизвестны обывателю, за единственным исключением. Бывший врач А. Коробов, когда-то проживавший в Перми, опубликовал в Швейцарии брошюру с изложением учения Пушкина, но она осталась неизвестной российскому читателю.

Неисследованность религиозного наследия Адриана Пушкина в сочетании с распространностью новых пророчеств в России в конце XX — начале XIX в. заставляет уделить особое внимание тем текстам, которые отражают мировоззрение и вероучительную позицию пермского мессии, зачастую сумбурную и наивную, но от этого не менее интересную. Представляется резонным обозначить цель нашей работы как определение места пушкинского варианта религиозного учения в современном ему конфессиональном пространстве, с установлением черт, роднящих нового «пророка» с аналогичными явлениями более позднего времени либо противопоставляющих его схожим феноменам религиозной жизни России. Для этого предполагается установить исторический контекст возникновения пророческих нарративов, выявить логику трансформации христианского учения в границах нового авторского мифа и отследить доли разнородных явлений духовного мира автора пророчеств (миф, религия, светское мировосприятие, когнитивный багаж) в пространстве созданного им текста.

Основой для исследования послужили документы из архива Пермского края [ГАПК. Ф. 65, оп. 2, д. 831; Ф. 297, оп. 3, д. 318], включающие письма и семейные фотографии «пророка», а также тексты, характеризующие его служебную деятельность. Эти источники были подвергнуты феноменологическому анализу, в большей мере уделяющему внимание внутренней логике текста, чем историко-генетической составляющей. Психиатрический диагноз героя выносится за скобки исследования, поскольку генерированный им текст в любом случае остается в границах отечественной религиозной традиции [Зислин, 2017] и инспирирован ею.

Написанию текстов А. Пушкиным предшествовал ряд событий в стране и его жизни. Около 20 лет он был служащим Пермского имения графов Строгановых в должности поверенного — среднего уровня в бюрократической иерархии огромного майората. Работа клерка заключалась в составлении и оформлении разных документов, сродни современной нотариальной. Судя по сохранившейся переписке Пушкина с главным лесничим, а временами и главноуправляющим имения, он пользовался доверием начальства. Его репутации не помешало и дело по жалобе в присвоении денежных средств и превышении полномочий, поданной его подчиненным [Выписки из дела..., д. 318, л. 1–14]. Реформа 1861 г. для людей, бывших, подобно Пушкину, служащими высшего и среднего уровня, стала значительным потрясением и создала угрозу потери статуса. Служащим пришлось приписываться к какому-либо обществу, поскольку империя сохрани-

ла свою сословную организацию. Записавшийся в купцы второй гильдии, Адриан Пушкин сохранил свой род деятельности — оформление документов для нужд города. Неизвестно, насколько выгодной в материальном плане была эта работа, но социальный статус героя изменился в худшую сторону. Теперь он был не начальником в пусть маленькой, но со своим штатом конторе, важной для огромного имения, а превратился в наемного клерка. Слом карьеры сопровождался психологическим кризисом и стал триггером для начала «пророческой деятельности».

Предлагаемый Пушкиным пророческо-мессианский «нарратив», вне зависимости от того, насколько психически здоров был его автор, содержит набор традиционных элементов, сближающих так называемого пермского купца с основателями «сектантских», альтернативных официальному православному дискурсу, движений Российской империи и новых религиозных учений XX в. (о чертах сект подробнее см.: [Панченко, 2004]; особенности новых религиозных движений см.: [Рязанова, 2013]). Основанием для нового откровения становится библейский текст, с которым пермский мессия был явно хорошо знаком, а содержание обеспечивается окружающим автора социально-историческим контекстом: «г. Пушкин убежден, что он человек далеко высший настоящего времени, которого совершенно не в состоянии понимать, а потому он считает себя каким-то преобразователем, ратником истины и даже пророком. В силу таких убеждений г. Пушкин силится некоторые пророчества Ветхого Завета и Апокалипсис истолковывать как исполнение их отечественными событиями последних четырех или пяти лет» [Рапорт Пермского полицмейстера..., д. 831, л. 56].

Несмотря на то что в определенный момент своей жизни А. Пушкин отказывается от религиозности в ее традиционных проявлениях — «с 1863 года не бывал (в церкви. — *Авт.*), о чем было мною самим заявлено в Св. Синод» [Ответы А. Пушкина..., д. 831, л. 106], сюжетно и терминологически его тексты укоренены в христианстве, которое составляет основу для авторских интерпретации и мифологии. Интериоризация библейской информации сначала рождает попытки ее упорядочивания («До конца 1859 года я ничего почти не читал священного, а с ноября того года всю Библию не только прочитал, но и сделал указатель всей Библии» [Там же]), а потом становится основанием для авторской интерпретации православного канона. Говоря о православности идей Пушкина, мы имеем в виду не их соответствие символу веры и догматическим нормам, а религиозную самоидентификацию нового мессии.

По формальным признакам Пушкин может претендовать на статус христианского мыслителя. Он хорошо ориентируется в библейских образах и активно их использует, неоднократно обращается к представлениям о Троице, последних временах и втором пришествии Христа, умело цитирует тексты священного писания. Православная риторика в его письмах на первый взгляд доминирует над сопровождающими автора жизненными реалиями и бюрократической системой, по принципам которой он пытается действовать. Выражения вроде «по происхождению же от Бога Отца, Дух Божий в строгом буквальном смысле есть сам Сын Отца» [Там же, л. 92] отсылают к православному отношению к принципу филиокве. В этом же ряду стоят представление о государе как помазаннике Божиим и критическое отношение к папе римскому как фальшивому представителю Христа [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 34 об.]. Вполне традиционными кажутся утверждения о том, что в конце человеческой истории не сразу будет узнан настоящий мессия: «Губернское правление... в логичном деле о пришествии Мессии положит навсегда черную печать на весь состав Русского Правительства, и тем рассмешит не только всю Европу, но и весь род человеческий, с предоставлением ему права вечно укорять Россию в дерзости, дозволившей себе с завязанными глазами, по примеру времен варварских свидетельствовать как сумасшедшего и последнего Посланника Божия и Князя царей земных» [Записка Пушкина..., д. 831, л. 89].

Более внимательное отношение к текстам Пушкина позволяет заметить, что набор сюжетов, тем и персонажей Библии используется им только в качестве канвы для конструирования авторского нарратива, в котором претензии на создание нового богословия смешиваются с архаическими мифообразами.

Ключевой для христианства образ Троицы получает истолкование, не подчиняющееся ни основным трендам богословия, ни бытовой логике с элементами рациональности. Исходным становится архаическое положение о наличии Отца и Матери как условий для существования мироздания: «Истинный Отец есть безначальный Бог Дух <...>, истинная же Мать есть Дух Божий <...>, созданный и исходящий от безначального Бога Отца прежде мироздания <...>. По общему закону, существующему в трехличности, и по общей правде, царствующей в триединстве, Единый Бог Дух Отец Сам в Себе имеет самобытные три вида: I) Высочайший всевидящий Ум — Правда, II) Высочайшую всеслышающую Волю — Милость, III) Высочайшую всечувствующую Совесть — Истина, но без всякой формы, как безначальный Вседержительный живой

Дух, Отец светов <...>. Исходящий же от Него Дух Божий,— по тому же общему закону в трехличности и правде в триединстве,— есть сам в себе: 1) Дух премудрости II) Дух разума, III) Дух Страха Божия, так же без всякой формы как Дух Божий. <...> так безначальный Бог Дух есть глава созданному и исходящему от него Духу Божию <...>, Ибо Дух Божий только «испытует глубины» Бога Отца и говорит «не от себя» <...>; следовательно Дух Божий — святой — истинный, по происхождению от Отца никогда не был и не может быть равным Богу Отцу, как считают доньше мнимо-христианские проповедники, произвольно сами сочинившие бога в непостижимой троице» [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета... д. 831, л. 91 и 91 об.] (орфография и пунктуация документа сохранена. — Авт.). К отрицанию филиокве добавляется истолкование двух составляющих Троицы в духе христианского гностицизма и мифологического представления о сочетании мужского и женского как обязательным условием космогонии. Представление о Христе и Духе Божиим как о принципиально неравным Богу-отцу — «ибо «Бог есть глава Христу» <...>, на котором «Отец Бог (только) положил печать свою» <...> т.е. помазал Духом Своим Святым <...> подобно тому, как Солнце отражает свой свет на Луне» — заставляет вспомнить и о ересь раннего христианства.

Богословие Пушкина нельзя назвать стройной системой. Использованные им теологические понятия путаются, накладываются друг на друга, как свидетельства об уровне грамотности автора, так и указывая на народные повествования как один из источников формирования специфического нарратива: «Богочеловек приходил во имя Отца <...> и не был Христом <...> Сын же человеческий — Христос, есть раб <...> пришел во имя свое, а не во имя Богочеловека, Который есть Отец небесный» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 35]. Поэтому и распятие рассматривается не как место свершения предначертанного и отправная точка для спасения грешного человечества, а как орудие наказания для инакомыслящих: «Непокорных воле живого Бога я буду весить на такой же виселице, не животворящей, а мертвящей, на какой был распят Господь Саваоф на Голгофе» [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета..., д. 831, л. 84 об.]. Так на одной строке оказываются переистолкованные в фольклоре сюжеты и образы библейского повествования и насаждаемые сверху представления об обязательности христианского мироотношения, распространяемые и на последние времена.

Конструкты, сближающие Пушкина с так называемыми русскими сектантами, фиксируются не только на уровне теологических идей нового откровения. Альтернативность предлагаемой трактовки христианства прежде всего основывается на критике официальных церковных структур и признанных авторитетов богословия. Не только принципиально чуждая католическая, но и отечественная православная церковь лишаются священного статуса и объявляются средоточием неправды: «Первый идол был столп вавилонский <...>. Отсюда разбрелись люди по лицу всей земли и по обычаям своих отцев поднесь наследственно блуждают в идолопоклонствах <...>. В таком блуждении погибших овец <...> доньше руководит «тайна вавилон-великий мати любодейцам и мерзостям земским» <...> в лице рукотворенных церковей и храмов <...> с их лживыми управлениями <...> никогда не могущими упользовать человечество в своих словесах лживых <...>, потому что означенные книжники и фарисеи «крадут слова Божия каждый от искреннего своего» <...> и вследствие того «вси ослепша неразумеша смыслити»» [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета..., д. 831, л. 97 и 97 об.]. Для Пушкина официальные церковные институты изначально стоят на стороне зла: «Из всего вышеобъясненного видно, что глубокий корень общего зла в мире глубоко скрывается в Духовенстве или в святых израилевых, от которых доньше царствует на земле не только всеми видимая неправда (Иерем. 51, 5) но и всякое осквернение всей земли (Иерем. 23,15)» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 27 об.]. Христианские богословы получают статус самозванцев, «говорящих: «возсия миру свет разума» и «вси ослепша неразумеша смыслити» <...> ибо каждый из них «Глаголяя себе во свете бытии, а брата своего ненавидя, во тьме есть доселе»» [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета..., д. 831, л. 92]. Сам Иисус Христос трактуется как сокрытый до настоящего времени — «так сказано и о Мессии — Христе,— Помазанник Духом Святым <...>, которого доньше никто не знал» [Там же, л. 92 об.] — что логически приводит к отказу от евангельского повествования и связанной с ним катехизаторской и богословской традиции: «Где для нас непостижимо, там нам (л. 92) темно; где темно, там нет света, там нет истины. В такой темноте неведения люди находились во весь период времени «пустого дома»» [Там же, л. 91 об.–92]. Неслучайно пермский мессия не пытается создать дополнение к библейской традиции (в отличие от современных ему мормонов и гораздо более позднего Виссариона). Он претендует на явление истинного новозаветного откровения: «Неужели вместе с мертвым правительством в России ныне должны погибнуть и все люди его ведомства перед предстоящим судом Божиим за неприятие нового завета» [Копия письма..., д. 831, л. 83 об.].

Пермский пророк своими заявлениями продолжает цепочку представителей тех религиозных групп, которых называют апокалиптическими: «не дивитесь сему; ко грядет час, в оной же вси сущие во гробех услышат глас Сына Божия и изыдут <...> человеческий мир в настоящее время состоит уже

во времени Суда Божия на земле» [Там же]. В традиционном для таких учений духе суд рассматривается как близкий: «чтобы не дивиться обетованному от Бога моему голосу о воскресении мертвых на земле (Иоанн. 5, 28, 29), когда настоящая моя просьба есть уже последняя труба» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 26]. Апокалипсизм дополняется хилиастическими построениями с эмоционально-психологической интерпретацией: «Царство же небесное есть ни что иное как Правда и мир и радость о обетованном Утешителе Духе Святом, который обещан именно на время царствия небесного на земле» [Там же, л. 27]. Потенциальным последователям предлагается обещание «ада на земле, связываемого мной на 1000 лет <...>, т.е. на время царства небесного на земле» [Там же, л. 30]. Преисподняя тоже наделяется статусом психологического состояния: «буйство душевных сил человека или людей несправедливых» [Ответы А. Пушкина..., д. 831, л. 110].

Сам Пушкин в своих текстах предстает не просто пророком новой истины или ревнителем истинной веры. Приписывая себе титул «Посланника Божия и Князя царей земных» [Записка Пушкина..., д. 831, л. 89], он претендует на статус истинного Христа: «Я принес от Бога на землю в моих логичных мыслях “Правду и мир и радость о Духе Святом”» [Его Превосходительству Господину..., д. 831, л. 141 об.]. Компенсируя потерю привычного социального статуса в ходе крестьянской реформы, новоиспеченный купец второй гильдии утверждает, что «Господь Бог Адонаи Саваоф, теперь только в образе человеческого Ветхий денми <...>...я поставлен от Него только царем над Сионом горою (Пс. 2, 6) т.е. над сердцем человеческим <...> для собрания языков во Иакове, т.е. Мессии, обетованном примирителе народов <...> или для соединения церквей в лице Единой живой (Логичной) религии на земле. Словом, поставлен я обетованным в последние дни века сего Пастырем народов <...> для упасения их жезлом железным <...> т.е. Духом Истины <...> и для устройства благодатного царства человека на земле <...> дарованного роду человеческому еще таинством воплощения бытия Божия, но ныне только объявляемого Богом через меня из подражания Синоду <...> я буду их судить <...> и на земле и за гробом <...> т.е. живых ныне, а мертвых после <...>. Буду судить и за то, что они не хотят знать дарованного мне от Бога имя «Его же никто же весть, токмо я сам» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 28–29].

В духе Нового Завета приход мессии связывается с эсхатологическими настроениями: «подлежать к общему воскресению из мертвых или к переходу из тьмы ветхого бытия в свет нового завета, только ныне даруемого роду человеческому от Бога» [Копия письма..., д. 831, л. 83 об.]. Территория Прикамья призывается стать местом приложения божественной силы: «...я имею, Государь, право от Бога <...>, внушающего мне “Дерзай, Сион, да не ослабнут руке твои” <...> чувствую себя в силах «мертвить и живить, низводить во Ад, и возводить» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 32].

Этические представления — «посему в отношении благочестивых людей сказано: “Духом Божиим водятся сии суть сынове Божии” <...>, а в отношении нечестивых: “неимать Дух Мой пребывать в человецех сих во век” [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета..., д. 831, л. 92] — у Пушкина превращаются в онтологические: «Исключительный состав всех злых законов существует при одной нашей земле <...>, что и подтверждается со стороны добра стройным порядком течения существующих в пространстве мироздания звезд и планет, со стороны же зла — существующим буйством и беспорядком в составе человеческого рода на земле и всех животных, поедających одно другого» [Там же, л. 95 об.]. Тем самым внешне христианские положения сближаются с другими дуалистическими учениями.

В прошениях и записках, рассылаемых носителем «нового Откровения», принципы мифологического описания смешиваются с квазинаучными интерпретациями. С одной стороны, мир описывается как наделенный всеобщей одушевленностью и сущностно единый: «Дух Божий всегда был и есть принадлежностью сотворенных Богом миров, в лице видимых и невидимых в пространстве мироздания звезд и планет, а равно и мало мира человека» [Там же, л. 91 об.]. Библейское повествование о конце мира получает локальный топос, помещается внутрь российских реалий, связывается с отечественными персонажами, мешающими исполнению пророчества (Синод, «Русское правительство», система министерств) [Записка Пушкина..., д. 831, л. 89] либо принимающими его («Первый живописец Далматов; второй переписчик бумаг моих Николай Иванов Кузнецов и посещавший мой дом по лечению больных лекарь Коробов») [Ответы А. Пушкина..., д. 831, л. 113]. Сам образ Иисуса Христа получает национально-территориальную окраску, с указанием места новой теофании: «Пермский купец 2 гильдии Адриан, сын Павлов Пушкин; по обетованному же для рода человеческого на земле последнему откровению живого Бога (Апокал. 3, 12) в воплощении Господа Адонаи Саваофа (Исаии 51, 15), но не Христа (Матв. 11, 27; 16, 20) — ныне только спасенный Его Христос (пс. 19, 7) пророческий раб Давид от земли северски (Иереем. 23, 5–8; Иезек. 34, 23)» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 26]. Национальный характер нового мессии меняет статус страны: «Россия, отныне же по Воле Божией

<...> переименовывается, во имя живого Иерусалима <...> или во имя Мессии <...> — в Новый Иерусалим <...> т.е. в Резиденцию благодатного царства человека на земле <...> не только возвышается пред всеми царствами на земле, но и укрепляется на непоколебимом фундаменте во веке» [Там же, л. 30], а также ее правителя: «местный царь того Государства, где будет принят Мессия, пользуется и именем новым, Именем Царя вселенной» [Ответы А. Пушкина..., д. 831, л. 110].

Внутри российского общества выделяется круг избранных, которым доступно истинное откровение, — те, кого Пушкин определяет как образованный класс, представители высших и средних слоев, противопоставленные темным, недавно освобожденным от крепостной зависимости крестьянам: «...я не только не был намерен, но и сознавал, что это и было и бесполезно когда не могут понять моего дела и ученые личности. Они потому не понимают, что не знают славянского языка, а не знавшие его и судить о деле не могут» [Там же, л. 109]. Открыться истине способна только элита общества, в руках которой есть «ключ от Правды, Милости и Истины» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 27].

Критика официальной церкви сочетается с представлениями о богоданной власти на мифологических основаниях [Гущин и др., 2005; Рязанова, 2009]: «...дарованное Тебе Государь от Бога новое право, новую власть, и новое имя ради пришествия сына человеческого <...> которого хотя на словах, но все народы ожидают в том или другом виде для восстановления Суда и Правды на земле» [Прошение Пушкина..., д. 831, л. 28 об].

При этом полученное А. Пушкиным светское образование добавляет к мифологическим образам псевдорациональную систему аргументации: «Там закон, где три начала; но там только в них сохраняется правда, где данные начала существуют или употребляются вместе — в триединстве; например I длина, ширина, высота — закон кубического измерения: здесь правда требует для достижения истины употребить в дело все три измерения, иначе выйдет неправда в данном законе; II тело, душа и дух человека имеет закон в трехсоставности. Если человек не имеет доброго духа, «юродство ему есть» <...> — неведение, неразумие, темнота — подобно тому, как наша земля и воздух в ненастной ночи мира без света. III тело человека состоит из частей твердых, частей мягких и частей жидких — закон в трехсоставности» [Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета..., д. 831, л. 93 об.]. Душеспасительная математика дополняется такой же психологией: «Всякое действие в человеке Духа премудрости, Духа разума и Духа страха Божия с сохранением законов трехличности и правды триединства называется «здравым рассудком человека» [Там же], а также почти аристотелевскими выкладками — «Душа человека состоит из ума, воли и совести... устранение силы совести есть неправда; отсутствие ума есть болезнь, бездействие воли есть слабость — бесхарактерность» [Там же, л. 93–93 об.]. Есть в архивных документах упоминания о том, что для Адриана Пушкина были характерны и высказывания атеистического характера — «антирелигиозные убеждения» [Рапорт Пермского полицмейстера..., д. 831, л. 56]. Вполне возможно, что под таковыми понимались критика официальной церкви и трактовки ее доктрины.

Несмотря на отсутствие у Пушкина единого текста, которого, скорее всего, и не могло существовать в силу особенностей психики автора, представляется возможным рассматривать его идеи как один из вариантов развития низовой религиозности, сочетающий в себе элементы высказываний юродивых и мессианско-апокалиптические нарративы, характерные для малых религиозных групп в православии. Совершенно новым, на наш взгляд, является претензия на смещение предполагаемой группы последователей из самых низших слоев общества в сторону среднего класса и используемые при этом бюрократические инструменты. Такие изменения основаны исключительно на индивидуальном выборе носителя откровения и являются результатом процессов секуляризации, идущих в обществе. Используемые сюжеты и образы, привычные для «сектантской» среды, помещаются юродивым бюрократом в свое частное пространство и применяются к реалиям личной жизни. Для содержательной части учения выбираются только подходящие «единицы» текста Священного Писания. Апокалиптики и хилиазм по-прежнему остаются визитными карточками кризиса сознания, только в нашем случае — личностного, связанного с отменой крепостного права и последовавшим за этим сломом привычной среды обитания и системы самореализации. Элитарность избранных делегируется тому социальному слою, в котором автор пророчества чувствует себя комфортно. Все это позволяет говорить об Адриане Пушкине как предшественнике тех фигур в религиозном пространстве региона и страны, которые попытаются выйти на сцену в начале следующего века, а наиболее ярко заявят о себе в постперестроечную эпоху религиозной свободы (примеры пермской мессианской традиции в этот период см.: [Рязанова, 2019, 2020]). Тексты пермского пророка выступили в качестве элемента изменений конфессионального пространства региона в сторону плюрализма учений, обозначившего одну из тенденций развития религии в современном обществе.

Литература

- Бушмаков А.В. Мистическое в восприятии читающей публики // Диалоги о культуре и искусстве Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2016. С. 163–172.
- Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь: Пушка, 1994. 256 с.
- Гущин В.Р., Колобов А.В., Михалева А.В., Рязанова С.В. Традиционное политическое сознание: Эволюция мифологем. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2005. 275 с.
- Зислин И.М. Иерусалимские психозы в рамках транскультуральной психиатрии: К постановке проблемы // Религиозность и клиническая психиатрия: Материалы Первой московской междунар. конф. М.: Сам Полиграфист, 2017. С. 154–159.
- Коробов А.М. Суд божий, или Отзвзв членам Св. Синода о пришествии мессии только ныне. Женева, 1876. 103 с.
- Кропоткин П.В. В русских и французских тюрьмах // Кропоткин П.В. Сочинения. СПб.: Знание, 1906. 242 с.
- Немирович-Данченко В.И. Соловецкая тюрьма и ее арестанты // Вестник Европы. 1874. Кн. 8. С. 538–541.
- Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: Обьед. гуманитар. изд-во. 2004. С. 45–54.
- Пругавин А.С. Соловецкие узники: К вопросу о монастырских заточениях // Русская мысль. М., 1881. Кн. XI. С. 238–253.
- Розанов В.В. Русские идеалы // Новое Время. 1904, 11 нояб. № 10309. С. 3.
- Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь, 2009. 328 с.
- Рязанова С.В. Новые религии: Место в конфессиональном пространстве и роль в образовательном процессе // Философия образования. 2013. № 6 (51). С. 280–287.
- Рязанова С.В. «Народное богословие» в Церкви «Семья Божия»: Сюжеты, образы мифы. Технологос 2019. №1. С. 85–100. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.1.07.
- Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: Стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2 (30). С. 86–100. DOI: 10.19181/snsr.2020.8.2.7306.
- Струве Б.В. Воспоминания о Сибири 1848–1854 гг. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1889. 180 с.
- Струве Б.В. К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии // Русская старина. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1884. Кн. IX. С. 663–676.
- Трапезников В.Н. Пермский купец Адриан Павлович Пушкин // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь: Изд. и тип. губ. зем. управы, 1903. Вып. 6. С. 13–28.
- Dixon W.H. Free Russia. Hurst and Blackett Publishers. L., 1870. Vol. 1. P. 242–251.

Источники

- Выписка из дела по жалобе и доносам письмоводителя Калинина на поверенного Пушкина и заключения по ней Главного Ильинского вотчинного правления за 1853 год // ГАПК. Ф. 297. О. 3. Д. 318. Л. 1–14.
- Его Превосходительству Господину Пермскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру Просительная записка содержащегося в Александровской больнице Адриана Пушкина // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 137–142 об.
- «Записка Пушкина» от 5 марта 1866 года // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 88–89.
- Копия письма, разосланного Пушкиным в ноябре 1864 года в редакции газет: «Господину Редактору NN ведомостей — газеты — журнала — издания» // ГАПК. Ф. 65, Оп. 2, Д. 831. Л. 83–85 об.
- Ответы А. Пушкина на вопросы комиссии // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 105–114 об.
- Прошение Пушкина императору с штампом о регистрации 21 октября 1864 г. Завета // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 26–35 об.
- Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета // ГАПК. Ф. 65, Оп. 2. Д. 831. Л. 91–97 об.
- Пушкин А. Отец и Мать Нового Завета. Общее понятие об Отце и Матери // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 91–92 об.
- Репорт Пермского полицмейстера губернатору от 3 сентября 1865 г. // ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 831. Л. 56.

Bushmakov A.V.^a, **Riazanova S.V.**^{b, c}

^a Perm State Institute of Culture, Gazety Zvezda st., 18, Perm, 614990, Russian Federation

^b Perm Federal Research Center of Ural Branch of RAS, Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation

^c Perm State Agro-Technological University,

Petropavlovskaya st., 23, Perm, 614990, Russian Federation

E-mail: bushmakov@yandex.ru (Bushmakov A.V.); svet-ryazanova@yandex.ru (Рязанова С.В.)

Adrian Pushkin: Perm experience of the bureaucratic messianism

This paper presents to the reader's attention a unique case of a local "messianic" prophecy which combines features of folk religious movements and principles of functioning of the bureaucratic machine. The manuscripts of civil servant and merchant Adrian Pushkin, who lived in the 19th century in the city of Perm (Kama region, Western Ural), are considered as a variation of development of popular religion which includes a messianic-apocalyptic

narrative. This places the provincial clerk closely to founders of the alternative to the official Orthodox discourse movements in the Russian Empire, as well as new religious movements of the later period. The aim of this paper is to determine the place and the role of Pushkin's revelation in the religious space of that historical period. The main sources of the research are local archival documents which include business correspondence, personal letters, photographs, also documents related to Pushkin's psychiatric examination and his subsequent expulsion to the Solovetsky Monastery, letters and family photos of the "prophet", and service notes. The research method is based on the phenomenological approach with elements of hermeneutical analysis. The new revelation was founded on biblical text well known to the Perm messiah, and its content was provided by the social and historical context. The targeted audience for the new prophet was the middle strata of the society, comfortable for him. The preferred way of communication involved the tools of the bureaucratic system of pre-revolutionary Russia. The development of the new interpretation of Christian teaching was based on individual choice of the revelator and mediated by already initiated processes of secularization of public life. Traditional narratives and imagery of the sacred books of the Orthodox tradition were placed by the messiah-bureaucrat in the context of local space of the region and the country, and were interpreted through realities of personal life. Open criticism of the official Church was combined with a complex of mythological ideas. The main accents of the prophetic text were apocalyptic and chiliastic, related to the personal and professional crisis experienced by the author. The latter was triggered by the abolition of serfdom and destruction of the habitual environment and self-realization system. The style and content of Pushkin's text represent a mixture of theological concepts and elements of folk narratives based on the biblical tradition. As a result of the textual development, the signature myth was formed, rooted formally in Christian dogmas and associated with folk religious culture.

Key words: national Orthodoxy, messianic ideas, Perm province, religious prophecy, folk religion, individual religion, Messiah.

REFERENCES

- Bushmakov A.V. (2016). Mystic in the perception of the reading public. In: *Dialogi o kul'ture i iskusstve: Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Perm: PGIK, 163–172. (Rus.).
- Dixon W.H. (1870). *Free Russia. Vol. 1*. London, Hurst and Blackett Publishers, 242–251.
- Gushchin V.R., Kolobov A.V., Mihaleva A.V., Ryazanova S.V. (2005). *Traditional political consciousness: The evolution of myths*. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. (Rus.).
- Korobov A.M. (1876). *Judgment of God, or Recall to the Members of the Holy Synod of the Coming of the Messiah Only Now*. Zheneva. (Rus.).
- Kropotkin P.V. (1906). In the Russian and French prisons: In: *Sochineniya*. St. Petersburg: Znanie. (Rus.).
- Nemirovich-Danchenko V.I. (1874). The prison of Tsolovetz. In: *Vestnik Evropy, book 8*, 538–541. (Rus.).
- Panchenko A.A. (2004). *Christendom and Savings: Folklore and the Traditional Culture of Russian Mystical Sects*. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Prugavin A.S. (1881). The prisoners of Solovki: To the question of convents. In: *Russkaja mysl', book XI*, 238–253. (Rus.).
- Rozanov V.V. (1904). The Russian ideals. *Novoe Vremya*, (10309). (Rus.).
- Ryazanova S.V. (2009). *The archaic myths in the political space of modernity*. Perm': PGU. (Rus.).
- Ryazanova S.V. (2013). New religions: Place in confessional space and role in the educational process. *Filosofiya obrazovaniya*, 51(6), 280–287. (Rus.).
- Ryazanova S.V. (2019). "Folk theology" in the Church "God's Family". *Tekhnologos*, (1), 85–100. (Rus.). DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.1.07.
- Ryazanova S.V. (2020). Closed religious community: Folding strategy and principles of functioning. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 8(2), 86–100. (Rus.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7306.
- Struve B.V. (1884). To the history of split and abolition of serf law in Perm province. In: *Russkaya starina, book IX*, 663–676. (Rus.).
- Struve B.V. (1889). *The memoirs about Siberia 1848–1854*. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" (Rus.).
- Trapeznikov V.N. (1903). Perm merchant Adrian Pavlovich Pushkin: In: *Trudy Permskoj gubernskoj uchyonoy arhivnoj komissii. Vol. 6*. Perm': Izd. i tip. gub. zem. upravly, 13–28. (Rus.).
- Verholancev V.S. (1994). *City Perm, its Past and Present*. Perm': Pushka. (Rus.).
- Zislin I.M. (2017). Jerusalem psychoses within the framework of transcultural psychiatry: To the formulation of the problem. In G.I. Kopeyko, V.G. Kaledy (Eds.). *Religioznost' i klinicheskaya psikiatriya: Mat-ly Pervoy moskovskoy mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow: Sam Poligrafist, 154–159. (Rus.).

Бушмаков А.В., <https://orcid.org/0000-0003-2061-4096>

Рязанова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021